

УДК 162

DOI: 10.17223/1998863X/45/2

Н.В. Зайцева

КОГНИТИВНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ПРИМЕРА

Рассматривается пример, являющийся, согласно Аристотелю, одним из риторических способов убеждения. Подробно анализируется аристотелевское понимание примера. Предложенная в работе реконструкция существенным образом опирается на феноменологическую идею аппрезентации (аналогизирующей апперцепции), обеспечивающей осмысление ситуации-стимула на основании примера-образца. Обосновывается несводимость риторического примера к известным видам дедуктивных и правдоподобных рассуждений.

Ключевые слова: *риторика, правдоподобные рассуждения, пример, paradeigma, феноменология.*

1. Введение

Мы живем во время революции. Второй когнитивной революции, начавшейся еще в 1990-е гг. с отказа от парадигмы когнитивизма в пользу телесно воплощенного сознания (embodied mind¹, подробнее см., например, [1]). Одной из характерных особенностей этой революции является усиливающееся (благодаря техническому прогрессу и значительному финансированию на государственном уровне нейроисследований) влиянию нейронауки на философию вообще и философию сознания в первую очередь. Естественно, такие «когнитивно близкие» области философии, как логика, теория аргументации и риторика, имеющие дело с интеллектуальными процедурами и механизмами убеждения, также оказались затронутыми этим процессом. Последние годы широко обсуждаются когнитивные основания риторических методов и приемов убеждения (persuasion). При этом второй по значимости, с точки зрения Аристотеля, способ убеждения – пример (paradeigma) – практически не рассматривается.

Вполне возможно, такое игнорирование примера вызвано кажущимися простотой и очевидностью этого риторического приема. Казалось бы, хочешь добавить своей аргументации убедительности и наглядности, приведи несколько примеров – ну что здесь требует специального обсуждения?! Характерным следствием такого понимания использования примера в аргументации служит статья [2] в Стэнфордской энциклопедии философии, посвященная «Риторике» Аристотеля. Автор всего два раза упоминает пример (paradeigma), ограничиваясь его характеристикой как вида индукции. Между тем простота и однозначность этого риторического способа убеждения не является столь очевидной. Достаточно сказать, что еще 30 лет назад

¹ Насколько мне известно, устоявшегося в отечественной философской литературе перевода термина «embodied mind» не существует. Мне представляется удачной с содержательной точки зрения его интерпретация как «телесно воплощенное сознание», которую я буду использовать в данной статье далее без специальных оговорок.

трактовка примера вызывала дискуссии среди философов, полярные позиции в которой иллюстрируют работы [3] и [4]. Одним из оснований для дискуссии о природе примера служила и продолжает служить неоднозначность его трактовки самим Аристотелем. Скажем, в «Риторике» о примере применительно к индукции (наведению)¹ говорится, что «пример есть индукция» [5. 1356b], в то время как в «Первой аналитике» соотношение примера и индукции понимается противоположным образом: «...пример отличается от индукции тем, что...» [6. 2.24.69a 19].

Новый импульс размышлениям о когнитивной природе риторического примера придают статьи последних лет В. Галлезе (см. [7–9]), в которых он высказывает интересную гипотезу о связи теории телесно воплощенной симуляции (*embodied simulation*) с *paradeigma* Аристотеля. Риторический пример обсуждается в контексте описываемых им механизмов отражения (*mirror mechanisms*), служащих эмпирической основой теории телесно воплощенной симуляции. Теория телесно воплощенной симуляции изначально была вызвана к жизни потребностью объяснить открытый в середине 1990-х гг. эффект зеркальных нейронов – моторных нейронов, возбуждающихся как при совершении определенного действия, так и при восприятии (в первую очередь зрительном, но известно и о случаях слухового восприятия) этого действия, совершаемого другим агентом.

Идея Галлезе состоит в том, что наше социальное восприятие становится осмысленным благодаря повторному использованию (*re-use*) наших собственных ментальных состояний в виде телесно оформленных презентаций. При этом симуляция понимается как автоматический, бессознательный и дорефлексивный механизм, приводимый в действие восприятием, задача которого состоит в моделировании событий и поведения других. Связь с риторическим примером, по Галлезе, состоит в том, что телесно воплощенная симуляция позволяет «натурализовать» *paradeigma* Аристотеля: получаемое в результате «парадигматическое» знание представляет собой экзemplификацию симуляции, а зеркальные нейроны служат его нейронными коррелятами.

Удивительно, что Галлезе, разрабатывающий теорию, содержащую прямые ссылки на феноменологию Э. Гуссерля, проходит мимо напрашивающейся, с моей точки зрения, когнитивно-феноменологической интерпретации риторического примера через понятие аппрезентации. В данной статье я предпринимаю попытку развить эту интерпретацию, что приводит к трактовке риторического примера как особого вида рассуждения, отличающегося и от дедукции, и от индукции (наведения), и от аналогии. В соответствии с этим планом строится дальнейшее изложение. В следующем параграфе проясняется трактовка примера Аристотелем. Третий параграф обеспечивает относительную самодостаточность статьи и содержит краткую характеристику феноменологической концепции аппрезентации. Наконец, в четвертом параграфе предлагается достаточно очевидная феноменологическая трактовка риторического примера, а в заключении подводятся итоги исследования.

¹ В зависимости от предпочтений переводчика греческий термин *epagôgê* у Аристотеля в цитируемых сочинениях переводится как «наведение» или «индукция». В контексте данной работы эти термины являются синонимами.

2. Аристотель о риторической *paradeigma*

В чем же состоит особенность риторического примера как особого способа рассуждения? На первых же страницах «Риторики» Аристотель четко указывает, что есть два способа убеждения: риторический силлогизм (энтимема) и риторическая индукция (пример, *paradeigma*, *παράδειγμα*) [5. 1356b 5]. Далее следует более подробное разъяснение того, что подразумевается под примером. «Пример не выражает ни отношения части к целому, ни целого к части, ни целого к целому, но части к части, подобного к подобному, когда оба случая относятся к одному роду, причем один более известен, чем другой» [Там же. 1357b 30]. Примечательно, что в другом переводе «Риторики», изданном в Санкт-петербургском издательстве «Азбука» в 2000 г., в этом фрагменте о двух подобных случаях сказано, что «оба случая подходят под одну и ту же категорию случаев» – различие, которое может показаться кому-то несущественным, но окажется важным для моего дальнейшего изложения. Завершается фрагмент Аристотеля иллюстрацией примера как типа рассуждения. «Например, Дионисий, требуя для себя стражу, замыслил сделаться тираном, поскольку ранее, замыслив сделаться тираном, требовал для себя стражу Писистрат, и, получив ее, сделался тираном; точно так же поступил Феаген Мегарский. И другие хорошо известные люди являются примерами для Дионисия, о котором еще не известно, требует ли он для себя стражу с этой целью. Все приведенные случаи подходят под то общее положение, что замышляющий сделаться тираном требует для себя стражу» [Там же. 1357b 30–35].

Во второй книге «Риторики» (Риторика II 20) пример и энтимема рассматриваются подробно и снабжены иллюстрациями их применения. Так, Аристотель различает два вида примеров – сообщение об уже совершившемся событии и о выдуманном, последнее может представлять собой притчу или басню [Там же. 1393a 30]. Касаясь специфики примера как метода, Стагирит рекомендует пользоваться примерами для доказательства, когда нет энтимем, либо подкреплять энтимемы примерами в качестве свидетельств. При этом он замечает: «...в начале они похожи на индукцию, а ораторским речам индукция не свойственна... а в конце – достаточно одного примера, ибо свидетель, заслуживающий веры, полезен даже один» [Там же. 1394a 15].

Значительное внимание Стагирит уделяет примеру в «Аналитике». В «Первой аналитике» этой теме посвящена целая глава [6. 2.24.68b 38–69a 19]. В ней подробно рассматривается известный пример с войной с соседями. В заключительной части главы Аристотель практически повторяет риторическую трактовку рассуждения на основе примера как перехода от части к части, «когда они обе подходят под один и тот же <термин>, но одна <из них> известна». Завершает этот фрагмент уже упомянутое заключение об отличии примера от индукции: «Пример отличается от индукции тем, что индукция из всех отдельных случаев доказывает, что <больший> крайний <термин> присущ среднему и относительно <меньшего> крайнего <термина> не умозаключает, тогда как пример умозаключает относительно меньшего <термина> и доказывает не из всех <отдельных случаев>». Однако уже во «Второй аналитике» примеры опять объявляются видом индукции: «Таким же образом и убеждают <других> ораторы – или посредством примеров, которые являются

<видом> индукции, или посредством энтимем» [6. А71а 10]. Очевидно, что эти весьма неоднозначные и явно не согласующиеся при первом прочтении фрагменты нуждаются в дополнительном рассмотрении и логической реконструкции, которая будет предложена в заключительной части статьи.

3. Аппрезентация Гуссерля и *paradeigma*

Когнитивно-феноменологический подход в качестве основного претендента на философско-методологическую интерпретацию результатов нейроисследований, позволяющего согласовать объективные эмпирические данные «от третьего лица» с субъективной интроспективной информацией «от первого лица», уже успел продемонстрировать свою перспективность. Не останавливаясь здесь на этом подробно, укажу работу [10], во вступительном параграфе которой рассматриваются различные варианты нейрофеноменологических концепций. На мой взгляд, наблюдающаяся адаптация ключевых феноменологических понятий к применению в когнитивной науке (см., например, [11]) незаслуженно обходит такое важное понятие, как аппрезентация (аналогизирующая апперцепция), введенное Гуссерлем в «Картезианских размышлениях» для описания процедуры осмысления другого сознания. Для Гуссерля в обосновании его интерсубъективного проекта, как он замечает сам, немалые трудности представляет «шаг, ведущий к «другому его» [12. С. 213]. Этой проблеме он посвящает параграфы 50–54 Размышления V «Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической интерсубъективности», в которых последовательно вводится понятие аппрезентации. Ранее я достаточно подробно обращалась к рассмотрению этого понятия в работах [10, 13–15], поэтому в данной статье для обеспечения ее самодостаточности ограничусь лишь краткой справкой.

Поскольку Другое я, его субъективный опыт не даны нам изначально и непосредственно, интенциональное переживание Другого, по Гуссерлю, характеризуется опосредованностью, возникающей на основе первопорядкового мира и дающей «возможность представить со-присутствие чего-либо, что тем не менее само не присутствует и никогда не может достичь самоприсутствия. Речь, следовательно, идет о своего рода приведении-в-со-присутствие... о некоей аппрезентации» [12. С. 214].

Аппрезентация (аналогизирующая апперцепция) представляет собой универсальный когнитивный механизм, лежащий в основании смыслообразующих актов. Этот механизм связан с типизацией объектов мира, что позволяет избежать его бесконечного многообразия и реагировать на тип объекта типичным, закрепленным в опыте образом. Ее легко можно обнаружить уже во внешнем опыте. Что касается восприятия Другого Я, то смысл другого и смысл Я со всеми его содержаниями обретаются благодаря аппрезентации, в результате которой другое тело «получает смысл от моего живого тела в результате апперцептивного перенесения» [Там же. С. 217]. Это означает, что Другой есть всегда проекция меня самого. В данном случае мое телесное воплощенное я выступает в качестве предмета-образца, переживаемого, доступного моему внешнему и внутреннему восприятию. Перенос смысловых характеристик с предмета-образца, ранее пережитого в опыте, на новый предмет изначально основывается на некоем подобии или аналогии. Напри-

мер, на подобии моего тела и тела другого, что позволяет отождествить эти два объекта.

Важно отметить, что Гуссерль настоятельно предостерегает от трактовки уподобляющей апперцепции как вывода по аналогии. «Апперцепция не есть вывод, не есть мыслительный акт. Каждая апперцепция, в которой мы с одного взгляда воспринимаем и, фиксируя свое внимание, схватываем заранее данные предметы (к примеру, заранее данный повседневный мир), каждая апперцепция, в которой мы сразу же понимаем их смысл вместе с его горизонтами, интенционально отсылает нас к некоему первичному учредительному акту, когда был впервые конституирован предмет, обладающий подобным смыслом» [12. С. 217]. Например, ребенок однажды понимает, в чем состоит смысловое предназначение ножниц. С этих пор он каждый раз видит ножницы как таковые с первого взгляда, какая бы разновидность ножниц не оказалась в фокусе его внимания. Этот процесс не сопровождается развернутым воспроизведением учредительного акта, пережитого ранее, сравнением или логическим выводом. Благодаря аппрезентации «даже неизвестные нам вещи этого мира, вообще говоря, известны в том, что касается их типа» [Там же].

Если апперцепция не есть умозаключение по аналогии, то в чем ее специфика, какова ее природа, что лежит в основе механизма аппрезентативного переноса? Ответ на этот вопрос можно найти в параграфе 51 «Удвоение как ассоциативно конституирующий компонент опыта другого». По Гуссерлю, его и *alter ego* всегда с необходимостью даны в изначальном удвоении. Удвоение, в свою очередь, «есть изначальная форма того пассивного синтеза, который мы, в противоположность пассивному синтезу идентификации, называем ассоциацией» [Там же. С. 220]. Два предмета даются интенционально как выделенные в «единстве подобия и, таким образом, всегда оказываются конституированы именно как пара», компоненты которой находятся в отношении взаимного покрытия «накладывающимися друг на друга предметными смыслами». В результате «в образовавшейся паре осуществляется взаимное перенесение смысла» [Там же].

В работах [15] и [10] развивается идея «аппрезентационной модели» типизации как телесно воплощенного, «встроенного» дорефлексивного универсального когнитивного механизма, основанного не на установлении сходства между предметами, а на их отождествлении и апперцептивном переносе смысла (типа) с предмета образца на стимул. Фактически это означает, что аппрезентация лежит в самой основе познания как субъектно-объектного взаимоотношения, фундируя в том числе ментальные лингвистически выраженные акты и процедуры.

4. Индукция, аналогия и *paradeigma*

Ниже я предлагаю когнитивно-феноменологическую интерпретацию риторического рассуждения на основе примера, предполагающую апперцептивный перенос как базис, обосновывающий переход от посылок к заключению. Но прежде чем сделать это, необходимо дать определенный ответ на вопросы, как соотносится риторический пример с индукцией и аналогией и какова схема этого рассуждения.

Выше уже отмечалось, что рассуждение на основе примера у Аристотеля часто трактуется по-разному: как разновидность индукции (наведения), как аналогия и как совершенно самостоятельный тип рассуждения. Аристотель специально не говорил об аналогии как таковой. На эту роль традиционно в его работах претендуют рассуждение на основе случаев (*paradeigma*) и рассуждение на основе сходства (*homoiotes*). Первое уже достаточно внимательно рассмотрено в данной работе, поэтому охарактеризую второе.

Рассуждение на основе сходства достаточно подробно рассматривается в Топике (Топика I, 17 и 18, VII, 1). Наиболее точным и полным описанием аналогии считается следующий фрагмент. «Далее следует выводить на основании сходства, ибо это убедительно и лучше скрывает общее... Хотя этот [прием] сходен с наведением, однако не тождествен ему: в наведении общее принимается на основании единичного, а при указании сходства не получается общее, охватывающее все случаи сходства» [6. 156b 10–17]. Согласно авторитетному мнению автора статьи об аналогии в Стэнфордской энциклопедии философии «рассуждение на основе сходства (*homoiotes*) представляется более близким, чем *paradeigma* к нашему современному пониманию рассуждения по аналогии» [16].

Возвращаясь к соотношению индукции (наведения) и рассуждения на основе примера, целесообразно предложить реконструкцию рассуждений Аристотеля, наиболее полно представленных в «Первой Аналитике» [Там же. 2.24.68b 38–69a 19]. В качестве иллюстрации рассматривается стандартное силлогистическое рассуждение, в котором в дополнительном обосновании нуждается большая посылка «Все М есть Р» (в более привычной, традиционной нотации, позволяющей различить общие и единичные термины). Обратим внимание, что символы М и Р замещают общие термины «начинать войну с соседями» и «зло» соответственно. Меньшая посылка рассматриваемого силлогизма представляет собой единичное высказывание вида «b есть М», где b замещает единичный термин «война афинян с фиванцами». Очевидным образом из этих посылок получается вполне корректное заключение «b есть Р» – «война афинян с фиванцами есть зло». Таким образом, основное рассуждение принимает следующий вид:

Все М есть Р	«[Всякая] война с соседями есть зло»
b есть М	«Война афинян с фиванцами есть война с соседями»
b есть Р	«Война афинян с фиванцами есть зло»

Само рассуждение на основе примера требуется для обоснования большей посылки с помощью примера d – «война фиванцев с фокейцами». Аристотель проводит это обоснование следующим образом: «Но это становится убедительным из <наблюдения> подобных случаев, например из того, что для фиванцев <война> с фокейцами <была злом>» [Там же. 2.24.69a 5]. Здесь местоимение «это» замещает большую посылку: «[Всякая] война с соседями есть зло». В этом вспомогательном рассуждении в нашем распоряжении имеется очевидная посылка «d есть Р» («война фиванцев с фокейцами есть зло»). На основании подобия d и b (тождества двух случаев относительно М – «ибо и то и другое есть войны с соседями» [Там же. 2.24.69a 10]) из очевидной первой посылки делается искомый вывод, что «все М есть Р» («начинать войну с соседями есть зло»). В первом приближении это рассуждение выглядит странно и непривычно. От М-подобия двух случаев (тождества относи-

тельно некоторой категории или общего термина М) и присущности известному случаю (d) свойства Р мы заключаем, что это свойство присуще категории подобия М.

Более естественной становится трактовка этого рассуждения, если мы будем понимать утверждение о подобии двух случаев не как фиксацию некоторого симметричного отношения (подобия или сходства), а как результат распознавания в новом объекте b стороны или части пережитого ранее и сохраненного в памяти объекта d. В результате получается следующее: в прошлый раз объект d как целое (представляющее собой совокупность сторон или частей) привел в моем опыте к негативным последствиям. Сейчас я столкнулся со случаем b, в котором мною узнается часть (сторона) М предыдущего случая, что и служит основанием для их отождествления. При этом два объекта не просто сравниваются или оказываются носителями каких-то общих признаков (как в посылках рассуждения по аналогии) – они буквально отождествляются, являясь нам как М. Таким образом, я прихожу к заключению, что М приводит к негативным последствиям (является их причиной).

Напрашивается давно анонсированная аналогия с рассмотренным выше механизмом аппрезентации. Говоря об аппрезентации (аналогизирующей апперцепции), Гуссерль специально делает акцент на том, что аппрезентативный перенос не является рассуждением, это встроенный когнитивный механизм, вероятно присущий не только людям, но и другим живым существам. При этом принцип действия этого механизма Гуссерль подробно не описывает, лишь схематично его намечает, иллюстрируя известными примерами с ножницами и достраиванием образа целого дома на основании восприятия его фасада. Аристотель, напротив, описывает особый способ рассуждения, выраженный лингвистически и состоящий из двух связанных частей: рассуждения на основании примера и силлогизма, в котором заключение первого рассуждения выступает в качестве большей посылки. На мой взгляд, связь между аппрезентативным переносом и риторическим рассуждением состоит в том, что основанием аристотелевского рассуждения является описанный Гуссерлем когнитивный механизм.

Объекты b и d из аристотелевского примера воспринимаются как пара. Это становится возможным благодаря тому, что в них мы обнаруживаем общую часть (сторону) или момент тождества М. Тем самым создается основание для последующего переноса смысла с объекта-образца на новый объект. При этом специфика аппрезентативного переноса состоит в том, что какой бы новый объект не попал в сферу восприятия, если он образует пару с объектом-образцом (т.е. в нем присутствует сторона М), на него автоматически переносится смысл с образца. Как эта возможность многократного переноса смысла может быть выражена вербально в виде рассуждения? Через установление связи между ранее зафиксированным моментом тождества и прагматически значимым свойством Р объекта-образца. Лингвистически эта связь оформляется как общее высказывание «Любой М есть Р», являющееся заключением рассуждения на основании примера. Приводимый далее силлогизм, в котором это заключение играет роль большей посылки, призван иллюстрировать завершающий этап действия аппрезентативного переноса для конкретного случая b.

Таким образом, когнитивная процедура аппрезентации, включающая (а) удвоение и собственно (b) аппрезентативный перенос на уровне рассуждения, предстает как (а) риторический пример, (b) сопровождающийся для каждого конкретного случая соответствующим силлогизмом.

Универсальность когнитивного механизма аппрезентативного переноса можно проиллюстрировать на следующем гипотетическом примере. Дикий зверь, впервые встретившись с охотником, естественно не понимает источника угрозы. Но если ему повезет и он переживет эту первую встречу, животное приобретает некоторый опыт, в котором встреченный им объект будет связан ассоциативно с негативным последствием. Столкнувшись в следующий раз с человеком и почуяв запах оружия, наш зверь, будучи достаточно сообразительным, обратится в бегство, не дожидаясь применения оружия. Почему это происходит? Потому что первый и второй охотник отождествляются на основании общего для них запаха пороха. Не имея в опыте встречи со вторым человеком, зверь тем не менее узнает запах пороха, что позволяет реагировать на нового человека так же, как на первого человека-образца. Подобная реакция уже приводила его к успеху. Фокусируя внимание и тем самым объективируя запах, животное реагирует именно на запах, который фактически и воспринимается им как опасный. Впредь, какой бы объект с запахом пороха (человек, оружие, сумка и т.д.) не встретился на пути умного зверя, реакция будет однотипной. Естественно, в случае с животным все эти когнитивные действия не являются лингвистически оформленными и происходят на врожденном дорефлексивном уровне, закрепляясь в опыте в качестве наиболее эффективной реакции на стимул.

5. Заключение

Итак, суммируя все сказанное о *paradeigma* выше, хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, анализируемое риторическое рассуждение на основании примера не относится ни к индуктивным (в узком смысле), ни к рассуждениям по аналогии. В то же время данное рассуждение можно квалифицировать как правдоподобное, или индуктивное в широком смысле¹. Выше риторическое рассуждение на основе примера было представлено как двухпосылочное. В его первой посылке устанавливается подобие двух предметов (случаев) относительно некоторой категории М. Второй посылкой служит утверждение о наличии у предмета-образца некоторого прагматически значимого свойства. В заключении делается вывод, что категория М включается в более широкий класс (или все члены этой категории обладают прагматически значимым свойством):

d М-подобно b «Война фиванцев с фокейцами подобна войне афинян с фиванцами [в том отношении, что обе они есть войны с соседями]

d есть Р «Война фиванцев с фокейцами есть зло»

М есть Р «[Всякая] война с соседями есть зло»

¹ Стоит заметить, что в работе [16] рассматривается возможность его реконструкции как чисто дедуктивного, при этом подобие двух примеров трактуется как наличие второпорядкового свойства (свойства свойств).

Во-вторых, отношение между риторическим рассуждением на основе примера и аппрезентацией может быть представлено следующим образом. Во второй посылке рассуждения объект относится к некоторому типу. Зафиксированное в первой посылке подобие (тождество в определенном моменте или стороне) двух объектов обуславливает процедуру удвоения. В свою очередь, рефлексия над удвоением позволяет выделить и сделать предметом рассмотрения сам момент тождества, тем самым объективируя его и превращая в новый тип. Дальнейшая рефлексия связывает любой объект нового типа с установленным ранее более широким (абстрактным) типом, что и фиксируется в заключении рассуждения.

Аппрезентация не есть умозаключение. Однако она лежит в основе риторического рассуждения, включающего пример и силлогизм, которые в совокупности могут рассматриваться как ее лингвистическое выражение. Отличие аппрезентации от риторического рассуждения состоит лишь в том, что, скажем, уже упоминавшаяся ситуация с ножницами иллюстрирует процесс познания, а риторический пример и соответствующий силлогизм – это рассуждение, используемое в процессе аргументации, при этом сам ритор уже заранее знает, к какому заключению он хочет привести другую сторону. Пример, экзemplифицирующий телесно воплощенную симуляцию, показывает, что убеждающий эффект несут не лингвистические выражения сами по себе, а то, что они репрезентируют, т.е. нелингвистические телесно воплощенные когнитивные сущности, структуры и механизмы, образующие темпорально организованный опыт субъекта.

В-третьих, на основании изложенного выше позволю себе высказать гипотезу о природе убедительности рассуждения на основе примера. Любое риторическое рассуждение по определению должно быть убедительным. В данном случае можно предположить, что рассуждение на основании примера приобретает убедительность благодаря лежащему в его основе универсальному когнитивному механизму, присущему животным. Этот механизм позволяет живому существу адекватно реагировать на объект или ситуацию на основании имеющегося у него опыта, что обеспечивает адаптацию к окружающему миру. В главе 19 «Второй Аналитики» Аристотель, рассуждая о познании первоначал, рассматривает проблему обоснования общих высказываний, по сути представляющих собой большие посылки силлогизмов. Он замечает, что для такого рода познания необходимо обладать некоторой особой познавательной способностью, присущей всем животным. Примечательно, что, по Аристотелю, эта способность основана на возможности различать и отождествлять: «...из единого, отличного от множества, того единого, что содержится как тождественное во всем этом множестве, берут свое начало искусство и наука» [6. 2.19. 100a 10]. Завершается глава известным выводом о том, что начала могут быть предметом только нуса, являющегося, таким образом, началом науки. Получается, что риторическое рассуждение на основе примера в определенном смысле «паразитирует» благодаря искусству ритора на врожденной, присущей всем живым организмам познавательной способности, в основе которой, как мы могли бы сказать сегодня, лежит аппрезентация. Именно встроенность этой способности, ее автоматизм, проецирующиеся и на соответствующее риторическое рассуждение, делают его восприятие некритичным, а само рассуждение – убедительным.

Литература

1. *Benedi P.* The “cognitive turn”: A short guide for nervous drivers // *Status Quaestionis*. 2015. 7. P. 127–155.
2. *Rapp C.* Aristotle's Rhetoric // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2010 Edition) / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2010/entries/aristotle-rhetoric/> (access date: 12.09.18).
3. *Hauser G.A.* The Example in Aristotle's Rhetoric: Bifurcation or Contradiction? // *Philosophy and Rhetoric*. 1968. Vol. 1. Spring. P. 78–90.
4. *Bonoit W.L.* Aristotle's Example: The Rhetorical Induction' // *Quarterly Journal of Speech*. 1980. Vol. 66. April. P. 182–192.
5. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2005.
6. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2.
7. *Gallese V.* Corpo non mente. Le neuroscienze cognitive e la genesi di soggettività ed intersoggettività // *Educazione Sentimentale*. 2013. 20. P. 8–24.
8. *Gallese V., Cuccio V.* The paradigmatic body. Embodied simulation, intersubjectivity and the bodily self // *Metzinger T. and Windt J. M. eds. Open MIND*. Frankfurt: MIND Group, 2015. P. 1–23.
9. *Gallese V.* The Multimodal Nature of Visual Perception: Facts and Speculations // *Gestalt Theory*. 2016. 38(2/3). P. 127–140.
10. *Зайцева Н.В., Зайцев Д.В.* Феноменологическая перспектива в современной нейронауке // *Философские науки*. 2017. № 1. С. 71–84.
11. *Gallagher S., Zahavi D.* The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. London: Routledge, 2007.
12. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998.
13. *Зайцева Н.В.* Феноменология и когнитивные основания аргументации // *Модели рассуждений-3: когнитивный подход / под ред. В.Н. Брюшинкина*. Калининград, 2010. С. 76–92.
14. *Зайцева Н.В.* Симуляция в аргументации // *Радио.ru*. 2011. № 6. С. 36–55.
15. *Zaitsev D., Zaitseva N.* Categorization in Intentional Theory of Concepts // *Lecture Notes in Computer Science*. 2016. Vol. 9719. P. 465–473.
16. *Bartha P.* Analogy and Analogical Reasoning // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2016 Edition). / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/reasoning-analogy/> (access date: 12.09.18).

Natalia V. Zaitseva, Lomonosov Moscow State University; Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russian Federation).

E-mail: natvalen@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 14–24.

DOI: 10.17223/1998863X/45/2

A COGNITIVE-PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION OF A RHETORICAL EXAMPLE

Keywords: rhetoric; plausible reasoning and argument; example; paradeigma; phenomenology.

This paper zeroes in on an example (paradeigma, argument based on parallel cases), which is, according to Aristotle, one of the two modes of rhetorical persuasive arguments. It was an idea of Vittorio Gallese, a prominent cognitive neuroscientist and neuropsychologist, one of the discoverers of mirror neurons, concerning the close relationship of simulation mirror resonance mechanisms and Aristotelian paradeigma, that served as a motive for the paper. First, the author considers Aristotle's interpretation of paradeigma in detail. In so doing, the appropriate paragraphs of *Rhetoric* and *Prior Analytics* are examined. After that, to make the paper self-contained, the key conception of transcendental appresentation (analogizing apperception) is briefly outlined as it was introduced and considered by Husserl in the Fifth Cartesian Meditation. The ground of this cognitive procedure is formed by the embedded and embodied mechanism of pairing, which makes it especially interesting, when a rhetoric example is concerned. With that in mind, the author proposes a novel reconstruction of paradeigma based upon the phenomenological conception of apperception, which provides the comprehension of a situation-as-stimulus in accordance with a paradigmatic model example. The core feature of this reconstruction lays in a very specific premise asserting the sameness of the stimulus and the model example within a certain category. The author consider this cognitive procedure to be grounded in a more fundamental faculty in charge for categorization and typification. Thus, Aristotelian pa-

radeigma (a) accompanied by an appropriate syllogism ad hoc (b) corresponds to Husserlian apperception containing pairing (a) and apperceptive transfer of sense from a model object to a new stimulus (b). The author argues for essential irreducibility of a rhetorical example to standard types of deductive and plausible arguments, including inductive generalization and analogical inference. The closing section sums up all the above and provides a suggestive explanation of the persuasive power of a rhetorical example.

Reference

1. Benedi, P. (2015) The “cognitive turn”: A short guide for nervous drivers. *Status Quaestionis*. 7. pp. 127–155.
2. Rapp, C. (2010) Aristotle's Rhetoric. In: Zalta, E.N. (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2010/entries/aristotle-rhetoric/>. (Accessed: 12th September 2018).
3. Hauser, G.A. (1968) The Example in Aristotle's Rhetoric: Bifurcation or Contradiction? *Philosophy and Rhetoric*. 1. pp. 78–90.
4. Bonoit, W.L. (1980) Aristotle's Example: The Rhetorical Induction. *Quarterly Journal of Speech*. 66. pp. 182–192. DOI: 10.1080/00335638009383514
5. Aristotle. (2005) *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Translated by V. Appelrot, N. Platono-va. Moscow: Labirint.
6. Aristotle. (1976) *Sochineniya v 4-kh t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
7. Gallese, V. (2013) Corpo non mente. Le neuroscienze cognitive e la genesi di soggettività ed intersoggettività [Body does not lie. Cognitive neuroscience and the genesis of subjectivity and inter-subjectivity]. *Educazione Sentimentale*. 20. pp. 8–24.
8. Gallese, V. & Cuccio, V. (2015) The paradigmatic body. Embodied simulation, intersubjectivity and the bodily self. In: Metzinger, T. & Windt, J.M. (eds) *Open MIND*. Frankfurt: MIND Group. pp. 1–23.
9. Gallese, V. (2016) The Multimodal Nature of Visual Perception: Facts and Speculations. *Gestalt Theory*. 38(2/3). pp. 127–140.
10. Zaytseva, N.V. & Zaytsev, D.V. (2017) Fenomenologiyechskaya perspektiva v sovremennoy neyronauke [Phenomenological perspective in modern neuroscience]. *Filosofskije nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1. pp. 71–84.
11. Gallagher, S. & Zahavi, D. (2007) *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*. London: Routledge.
12. Husserl, E. (1998) *Kartezianskiye razmyshleniya* [Cartesian reflections]. Translated from German by D. Sklyadnev St. Petersburg: Nauka: Yuventa.
13. Zaytseva, N.V. (2010) Fenomenologiya i kognitivnyye osnovaniya argumentatsii [Phenomenology and cognitive grounds of argumentation]. In: Bryushinkin, V.N. (ed.) *Modeli rassuzhdeniy-3: kognitivnyy podkhod* [Models of Arguments-3: a Cognitive Approach]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 76–92.
14. Zaytseva, N.V. (2011) Simulyatsiya v argumentatsii [Simulation in the argument]. *Ratsio.ru*. 6. pp. 36–55.
15. Zaitsev, D. & Zaitseva, N. (2016) Categorization in Intentional Theory of Concepts. *Lecture Notes in Computer Science*. 9719. pp. 465–473.
16. Bartha, P. (2016) Analogy and Analogical Reasoning. In: Zalta, E.N. (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/reasoning-analogy/>. (Accessed: 12th September 2018).